

Министерство просвещения РСФСР

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени А. И. ГЕРЦЕНА**

На правах рукописи

Елена Константиновна АБРАМОВА

ЛЕКСИКА РАССПРОСНЫХ РЕЧЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

**(ПО МАТЕРИАЛАМ О КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА)**

Специальность 10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**ЛЕНИНГРАД
1975**

Министерство просвещения РСФСР

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени А. И. ГЕРЦЕНА

На правах рукописи

Елена Константиновна АБРАМОВА

ЛЕКСИКА РАССПРОСНЫХ РЕЧЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

(ПО МАТЕРИАЛАМ О КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА)

Специальность 10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ЛЕНИНГРАД

1975

Работа выполнена на кафедрах русского языка Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института им. А. И. Герцена и Киевского ордена Ленина политехнического института им. 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Научный руководитель — доктор филологических наук профессор Б. Л. Богородский.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР А. И. Молотков,

кандидат филологических наук доцент ЛГУ С. С. Волков.

Ведущее учреждение — Киевский государственный педагогический институт им. А. М. Горького.

Автореферат разослан « 12 » 1975 г.

Защита состоится « 20 » 1975 г.

в 17 час. на заседании Ученого совета по лингвистическим наукам и методике преподавания русского языка Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института им. А. И. Герцена (г. Ленинград, 191186, Набережная р. Мойки, 48, корп. 20, ауд. 215).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Ученый секретарь Совета

XVII век оказался на рубеже двух крупных эпох исторического развития России — эпохи феодализма и эпохи капитализма. На глубокую и принципиальную разницу между ними указал В. И. Ленин в своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»¹ Зарождение и укрепление новых, национальных, буржуазных связей и отношений сопровождалось крупными и серьезными изменениями во всех областях культуры Русского государства. Своеобразные процессы затронули и литературный язык этой поры. XVII век является начальным периодом становления русского национального литературного языка.

Языковая картина Московского государства XVII века определяется многими лингвистами как «двуязычие». Книжный, церковнославянский язык довольно резко отличался от живой, народной русской речи в силу их функциональной разграниченности, о чем сохранилось свидетельство Лудольфа, побывавшего в России и вышедшего в 1696 г. в Оксфорде грамматику русского языка. Особенностью указанного периода было не только такое противопоставление литературного языка разговорной речи, но и их сближение, определенная контаминация письменного и разговорного языка, особенно в новых повествовательных жанрах, например, в сатирических повестях. «В середине XVII века, — отмечал акад. В. В. Виноградов, — в традиционную книжную культуру речи врывается сильная широкая струя живой устной речи и народно-поэтического творчества, двигающаяся из глубины стилей демократических слоев общества. Обнаруживается резкое смешение и столкновение стилей в кругу литературного выражения».²

Из множества разновидностей письменного языка выделяется стиль памятников делового языка, тесно связанный с народно-разговорной речью. В XVII в. в связи с расширением производства, ремесел, техники, культуры деловая письмен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. I, стр. 153—154.

² В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 74.

ность значительно расширяет свои функции, употребление ее выходит за пределы деловой сферы. Начиная с XV в., и особенно в XVI—XVII вв., деловая речь подвергается литературной обработке, начинает оказывать определенное влияние на язык художественной литературы. Именно в деловом языке «... складываются существенные элементы будущей грамматической, а отчасти и лексической системы русского национального литературного языка». ³ Так постепенно закладываются основы для формирования литературного языка на широкой национальной основе.

«Русский национальный язык, — писал акад. В. В. Виноградов, — создавался на основе синтеза всех жизнеспособных и исторически продуктивных элементов русской речевой культуры, т. е. живой народной речи с ее областными диалектами, устного народно-поэтического творчества, государственно-делового письменного языка и церковнославянского типа языка с их разными функциональными разновидностями». ⁴

Исследование процесса становления и формирования русского национального литературного языка является актуальной проблемой современного языкознания. Поднимается ряд сложных, взаимосвязанных вопросов. Для решения их требуется накопление, анализ, систематизация, теоретическое обобщение огромного фактического материала, предоставляемого в руки лингвиста различными источниками. Той большой ролью, которую сыграл деловой язык в процессе формирования русского национального литературного языка, и объясняется выбор в качестве предмета исследования так называемых расспросных речей второй половины XVII века. Они представляют собой записанные приказными людьми показания участников восстания или просто свидетелей о движении Степана Разина. Расспросные речи, наряду с другими документами (отписками, наказными памятями, указами, грамотами, записями и др.), опубликованы Институтом истории АН СССР. ⁵

Среди подвергнутых «распросу» люди разного социального положения и происхождения: допские казаки, присоединившиеся к ним крепостные крестьяне, дворовые люди, посадские люди: стрельцы, пушкарки, солдаты и др. Давали показания и «верхи» общества, составлявшие основу класса феодалов-крепостников: стольники, стряпчие, дети боярские, духов-

³ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития доинтеррусского литературного языка, стр. 13.

⁴ В. В. Виноградов. Образование русского национального литературного языка. ВЯ, 1956, № 1, стр. 14.

⁵ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Изд. АН СССР, М., 1954 (т. I), 1957 (т. II, ч. I), 1959 (т. II, ч. II), 1962 (т. III).

ные лица. Разнообразен национальный состав допрошенных: русские, украинцы, татары, турки, поляки, немцы и другие «иноземцы». Следовательно, в расспросных речах можно встретить лексику не только русскую, но и украинскую, польскую, турецкую.

Составленные приказными дьяками в соответствии с нормами деловой письменной речи, подвергнутые обработке в духе книжных традиций, эти документы тем не менее сохранили и оразили разговорную речь второй половины XVII в. В них своеобразно сочетаются особенности книжного и разговорного стилей, что является важнейшей особенностью развития деловой речи эпохи формирования русского национального языка. Указанные особенности расспросных речей определили следующие задачи реферируемой диссертации: 1) выделить лексику народно-разговорной речи в исследуемых документах; 2) рассмотреть лексику книжного характера, определить значение слов, вскрыть их функционирование в анализируемых документах; 3) указать историческую перспективу употребления разговорной и книжной лексики в дальнейшем развитии национального языка.

В настоящем исследовании проанализировано 140 расспросных речей.

Прежде всего в реферируемой диссертации рассматривается лексика народно-разговорной речи, нашедшая отражение в расспросных речах второй половины XVII в. «Разговорная речь Московской Руси в ее сложном многообразии и развитии с XV по конец XVII вв. должна изучаться как предпосылка и глубокая основа национального языка — более существенная и определяющая, чем традиции книжнославянского языка, тоже сохранившиеся в нем поныне, однако в убывающей, а не возрастающей прогрессии»,⁶ — писал проф. Б. А. Ларин, который впервые в советском языкознании выделил проблему «Разговорный язык Московской Руси» как самостоятельную. Некоторые данные о разговорной речи XVI—XVII вв. можно найти в исследованиях И. И. Шмелевой, В. П. Фелицыной, Е. М. Нессерли, С. С. Волкова⁷ и др.

⁶ Б. А. Ларин. Разговорный язык Московской Руси. — В кн. «Начальный этап формирования русского национального языка», Изд. ЛГУ, 1961, стр. 25.

⁷ И. И. Шмелева. Русская торговая книга XVI в. Канд. дисс., Л., 1948; В. П. Фелицына. Лексика русских пословиц XVII в. Канд. дисс., Л., 1952; Е. М. Нессерли. Лексика русского литературного языка второй половины XVII в. Докт. дисс., Л., 1961; С. С. Волков. Изменения в лексике делового языка Московской Руси первой трети XVII века. Канд. дисс., Л., 1961.

Однако исследователь, обращающийся к этой большой и сложной проблеме, встречается с большими трудностями. До сих пор не определен объем понятия «разговорная речь». Оно лишено в языковедении терминологической точности. Проблема разговорного языка не решена в рамках современных языков — русского, украинского, белорусского; еще меньше мы знаем о разговорном языке средневековья, а также древнейшей поры. До сих пор лингвисты не располагают словарями литературного языка XV—XVII вв. Мало сведений о диалектах этого периода. Языковед, изучающий разговорную речь в диахроническом плане, испытывает трудности и в выборе источника исследования, так как разговорная речь вошла в памятники письменности уже в какой-то степени переработанной, приспособленной к нормам письменного языка. Критерии выделения разговорной лексики в тексте письменного памятника остаются еще недостаточно разработанными.

В реферируемой диссертации за основу взято понимание разговорной речи Московской Руси Б. А. Ларина: «В это общее понятие входят и областные диалекты Московской Руси (крестьянские по социальной принадлежности носителей), и городские диалекты средних и «подлых» сословий, и наконец, разговорная речь высших классов».⁸ Б. А. Ларин указал и ряд источников, в которых нашла отражение московская разговорная речь. Особо он отметил такой своеобразный вид деловых документов, как «пыточные речи», которые близки нашим расспросным речам. Выполненные проф. Б. А. Лариным издания и исследования записей иностранцев, сделанные ими на Руси в XVI—XVII вв., представляют собой образец тонких текстологических наблюдений, пример подлинно научного анализа. Ценными являются замечания Б. А. Ларина о языке деловой письменности, который не был однородным «на протяжении почти тысячелетней феодальной эры».⁹ Б. А. Ларин предупреждал против переоценки памятников деловой письменности для изучения разговорного языка Московской Руси, хотя, несомненно, деловой язык наиболее близок к живой, разговорной речи, несмотря на значительную роль в ней традиционных условий.

В диссертации употребляются термины: народно-разговорный язык и литературно-книжный язык. Под народно-разговорными понимаются те языковые явления,

⁸ Б. А. Ларин. Разговорный язык Московской Руси, стр. 22.

⁹ Он же. Проект древнерусского словаря (принципы, инструкции, источники). Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 14.

которые бытовали в устной речи широких слоев народа, явления в большинстве своем собственно русские. Противопоставляемые книжным, они являются принадлежностью живой, общедоступной речи, сохраняющими свою специфику даже при проникновении в письменную речь. К разговорной лексике относятся слова, свойственные устной народно-разговорной речи, функционально-ограниченные — характеризующие предметы, явления, понятия повседневного быта, стилистически противопоставленные книжной лексике. В лексику народно-разговорной речи включаются как слова, общие для различных областей и социальных слоев Московского государства XVII столетия, так и лексемы, отражающие диалектные и социальные различия носителей языка. Лексике народно-разговорной речи следует ограничивать не только от книжной, но и от общеупотребительной, нейтральной.

Исходя из этого, в данном исследовании предложена методика выделения и анализа разговорной лексики в расспросных речах второй половины XVII в., заключающаяся в комплексном применении к анализируемым лексическим явлениям как языковых признаков, так и дополнительных, внеязыковых, связанных со спецификой исследуемых документов. К языковым признакам относятся семантические (слова, по своей семантике связанные с народным бытом), фонетические (полногласие, *ж* и *и*, соотносимые с неполногласием, *жд* и *иц*), словообразовательные (соответствующие приставки, суффиксы), морфологические (деспричастия на *-учи* (*-очи*)), синтаксические (паратактическая форма связи с помощью союзов *а*, *и*; повторение союза *а*; констатация с частицей *де* и др.), словоизменческие (наличие синонимических соответствий в книжном языке). К дополнительным, внеязыковым признакам относятся признаки, обусловленные спецификой анализируемых документов: где и кем составлен документ (в московском приказе или на месте происходивших событий, московским или местным приказным), кто давал показания (представитель «сверхов» или социальных «низов») и др.

Выявлению разговорной лексики помогают сопоставительные наблюдения над характером, сферой, частотой употребительности исследуемой лексики в письменности изучаемого периода, наблюдения над семантической и стилистической характеристикой этих слов на протяжении длительного исторического развития языка (использование московских, воронежских, рязанских и других деловых документов XVI—XVIII вв., сатирических повестей XVII в., записей устной речи, сделанных иностранцами в XVI—XVII вв., переписки того же перио-

да, лексиконов, азбуковников XVI—XVII вв., произведений устного народного творчества; использование показаний словарей древнерусского и русского языка, терминологических, диалектных словарей, материалов Картотеки древнерусского словаря (Москва) и Картотеки Словаря русских народных говоров Института русского языка АН СССР (Ленинград), имеющихся исследований в области исторической лексикологии).

Семантический критерий является одним из основных при выделении разговорной лексики в тексте письменного источника; семантика слова в значительной мере определяет и его стилистическую характеристику. Исходя из этого, в диссертации выделены для анализа следующие две группы слов: бытовая лексика и названия лиц по роду занятий, социальному положению, полу. В тематической группе «Бытовая лексика» рассмотрены некоторые названия жилых и хозяйственных построек (*повалуша, клеть, подклеть, сенница, амбар, гумно*); названия имущества, хозяйственных предметов (*животы, пожитки, рухлядь, коробья, коробка, драница, лубок*). Анализ названий лиц по роду занятий, социальному положению, полу показал, что некоторые из наименований относятся к лексике живой разговорной речи XVII столетия (*ведунья, ярыжка, голлик, голутва, мужик, вор, баба, девка, женка*).

Немногочисленными, единичными примерами представлены в исследуемых источниках демиинутивы с характерными для слов живой народной речи суффиксами: уменьшительными (*бударка*), уменьшительно-ласкательными (*горшочек,бочечка, пушечка, тетрадка*), уничижительными (*женишка, детушки, людишки*). Продуктом живого разговорного языка являются многократные формы глагола на *-ыва-* (*-ива-*). В расспросных речах отмечается более 30 приставочных и бесприставочных глаголов с указанным суффиксом (*переговаривать, составлять, прихаживать, оставливать, езживать, подваживать*). В диссертации также рассмотрены как элементы разговорной лексики деепричастия на *-ючи-* (*-ючи*): *едучи, идучи, наругаючи, приставаючи, укрываючись*.

Как один из способов выделения разговорной лексики рассматриваются синонимические соответствия. В XVII в. в языке складывающейся русской нации проявился новый характер синонимии. Вследствие разрушения жанрово-стилистической системы языка древнейшей поры в письменном языке сталкивалась лексика не только церковно-книжная и общепародная, но и диалектная, просторечная, профессиональная, русская и заимствованная, что создавало широкие возможности для

синонимии. Наблюдения над синонимами различной стилистической окраски позволяют с достаточной достоверностью выделять в анализируемых документах лексему разговорного характера: *немочь* (разг.) — *скорбь* (книжн.) — *болезнь* (нейтр.) и др.

Примером применения предложенной методики анализа разговорной лексики в тексте письменного памятника может служить рассмотрение слова *ярыжка*.

Ярыжка — 'представитель беднейшего населения, появившийся для работы на речных судах'. Слово встретилось 8 раз в расспросных речах станичников, чебоксарских торговых людей, московских стрельцов, казака, курского пона: «Да с ними ж (с казаками верхних городков, которые едут по Хонру в судах. — Е. А.) де *ярыжки*, которые иманы с насадов, и черкасы, а конницы де у них нет» (II—I, 165, 1670 г.); «А на Царицыне де ево Стенькины станицы воровских казаков и черкас, которых он после себя оставил и вновь прибралось ото всяких людей и от судовых ярыжек человек с 1000-ю и больше, стоят на Царицыне за городом, меж города и надълюб» (I, 211, 1670 г.).

П. А. Орлова указывает слово *ярыжка* в сатирических повестях XVII в. в значениях 'служба, работник' и 'безработный, пьяница'¹⁰. Материалы Картотеки древнерусского словаря это подтверждают (Астрах. акты, № 630, 1622—23 гг.; Миллер, История Сибири, II, 276, 1622 г.; Козмография, II, XVII в. и др.). В XVII в. слово *ярыжка* имело также значение 'низший служитель в приказах, выполняющий полицейские функции' (Московская дел. и быт. письм., 284, 1658 г.).

Того же корня и тоже разговорным является слово *ярыжник* — 'бурлак'. Ричард Джеме слышал его в Холмогорах в 1618—1619 гг.¹¹ Отмечено анализируемое слово и очевидцем восстания в Астрахани, иностранцем Л. Фабрициусом: «Между тем казаки пустили на штурм того участка, где был пост голландских корабельщиков, простой работный люд, или как они их называют *ярыжек*». ¹² Ср. в русских народных песнях: «Не водись мой сын с бурлаками, что с бурлаками со *ярыгами*» (Новое и полн. собр. россииск. песен, II, 158).

¹⁰ П. А. Орлова. Элементы разговорного языка в сатирических повестях XVII в. — Уч. зап. ЛГУ, серия филологич. наук, № 243, в. 42, 1958, стр. 153.

¹¹ Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джеме. Изд. ЛГУ, 1959, стр. 67 и 184.

¹² Л. Фабрициус. Записки. — В кн.: «Записки иностранцев о восстании Степана Разина», под ред. А. Г. Мапыкова. Изд. «Наука», Л., 1968, стр. 53.

У Срезневского данное слово не приводится. *Урыга, урыжка* указываются словарями XVIII в. (Вейеманнов, Российский целларнуе, Пордетет). Словарь Академии Российской 1791 г. сопровождает слово *урыга, урыжка* — 'пьяница, моторыга' пометой «простоляр». Даль указывает: «*Урыга, урыжка* м. стар. служитель чюлицы, дяя рассыаки, прделуги и использоваыя разных приказани; они ставились от обични и такне звались *зелеские урыжки*» стар. и ныне *ерыга, ерыжка, урыж-ник, -ница*, пьяница, шатуи, мошенник, беспутный».

В современном русском языке *урыжка* — 'пьяница, беспутный человек' является устаревшим словом. Словарь АН СССР в 17-ти томах сопровождает его пометкой «ист.»: *урыга (урыжка)* — «1) В Московском государстве XVI—XVII вв. — представитель некоторых групп беднейшего населения. 2) В Московском государстве XVI—XVII вв. — низший служитель в приказах, выполняющий полицейские функции». Указанное слово сохраняется в некоторых русских народных говорах: рязанских (работник, баграк'), кашинских, тверских, вятских (шаут, мотыга, пьяница, шаромыга, человек беспутный').

Все эти данные позволяют утверждать, что слово *урыжка* было хорошо известно в народно-разговорной речи XVII столетия.

Таким образом, комплексный анализ рассмотренных в первой главе слов позволил сделать достаточно достоверный вывод о принадлежности их к лексике народно-разговорной речи XVII в. Проведенные исследования показали, что разговорная лексика пришла с XVII в. длительной путь развития. Одни из рассмотренных слов продолжают бытовать в современной разговорной речи (*пожитки, рюхлядь, захворать*), в просторечии (*ведунья, баба, девка, женка, немочь*); другие стали нейтральными (*сумно, коробка, надежный*), причем некоторые с измененной семантикой (*гораздо, дубок, вор*); третьи отмечаются словарями современного литературного языка как устаревшие (*животы, коробья, урыжка*); четвертые сохранились только в говорах (*ногадуна, клеть, сеница, дралица, воз, укряивочись*).

В реферируемой диссертации рассматривается также книжная лексика в рассмотренных речах второй половины XVII в.

В рассматриваемый период шел процесс отбора из книжного церковнославянского языка всех жизнеспособных элементов (слов, форм, фразеологических оборотов, синтаксических конструкций, стилистических приемов), которые способствова-

ли становлению и формированию русского литературного языка на национальной основе. Многие книжные слова, обозначающие понятия, для которых в разговорной, бытовой речи не было адекватных средств выражения, вошли в общее употребление и, следовательно, значительно обогатили словарный состав русского литературного языка. Некоторые книжные слова, являющиеся синонимами к словам разговорным и нейтральным, расширили стилистические возможности литературного языка. Таким образом, книжная лексика в процессе формирования русского национального литературного языка играла весьма важную роль.

Под книжной лексикой, отмеченной в расспросных речах, в реферируемой диссертации понимаются слова, характерные преимущественно для письменного языка, стилистически противопоставленные разговорной и нейтральной лексике. К книжной лексике относятся прежде всего церковная лексика, которая пришла в русский язык с принятием христианства и стала широко употребительной не только в церковной письменности, но и в памятниках повествовательного и делового жанров. Фонетические особенности старославянского языка — такие, как неполногласие, сочетания *жд* и *ц*, соответствующие подногласию, *ж* и *ч* в русском языке, наряду с семантическими и другими признаками позволяют отнести ряд слов к разряду книжных. Но существует значительный пласт лексики книжного характера и вне церковнославянской сферы: лексика, оформленная при помощи особых словообразовательных элементов, осознающихся как книжные. Такие слова употребляются преимущественно в письменных произведениях книжного характера. Однако при обозначении жизненно важных понятий указанные слова могут выходить и за пределы книжной речи.

Книжная лексика, обозначающая предметы церковного обихода, в расспросных речах сравнительно невелика. Это названия церковнослужителей (*архимандрит, игумен, патриарх*), наименования отдельных частей храма (*алтарь, паперть*), религиозных обрядов, церковных служб (*ектения, молебен*), названия головных уборов, одежд священнослужителей (*камилавка, омофор*) и т. д. Эта лексика представлена в основном словами, которые были уже хорошо освоены русским литературным языком. В большинстве случаев они известны с XI в. В расспросных речах они используются в обычном традиционном плане. Большая часть церковно-книжных слов отмечена в записях показаний астраханских соборных попов о пытках и казни митрополита восставшими, что стилистически оправ-

данно. Наряду с этим в расспросных речах представлены и случаи неиспользования книжной лексики в живой речи («враг де акаяшней»), отдельные примеры отражения живого произношения (*архимарит, понасея, панахида*). Книжное *митрогия* встречается один раз, а во всех остальных случаях замещается разговорным *обеоя*, вместо *митра* употребляется *шапка*.

Выделение книжной лексики из письменного источника XVII в. на основании фонетических признаков требует учета не только происхождения слова, но и его семантики, характера словоупотребления и других признаков. В расспросных речах можно выделить около 30 слов с неполногласием, которые выступают в анализируемых документах без соответственной полногласной формы. Некоторые из слов с неполногласием встретились только в устойчивых словосочетаниях, свойственных церковно-книжному языку (*блаженные памяти, обратилися ко истине*). Такие слова, как *облачиться, разоблачать, заградить*, имевшие в языке XVII в. полногласные соответствия, почти все отмечены в одном и том же документе, составленном И. Золотаревым, искусно владевшим книжным слогом. Он сознательно выбирал именно книжные слова, чтобы описать события, связанные с казнью митрополита. Некоторые неполногласные слова (*время, возвратиться, хрибрый*), книжные только по происхождению, давно уже вошли в разговорную речь, утратили свой книжный характер. Слово *бракъ*, производные *бранный, бранить*, разойдясь со старославянскими формами семантически и стилистически, также стали достоянием разговорной речи.

Соотносительное употребление неполногласных и полногласных слов представлено следующими парами: *брада — борода, власть — воласть, град — город, градской — городской, златой — золотой*. В других письменных памятниках того же периода также отмечается сравнительно небольшое количество слов, широко употреблявшихся в обеих формах, обозначавших жизненно важные, широко известные явления. Большинство исследователей языка XVII в. акцентируют мысль о дифференцированном употреблении слов с полногласием и неполногласием. В расспросных речах не эта тенденция является ведущей. Встретился только один случай стилистического безразличия в употреблении этих форм: *градские люди — городские люди*. В остальном прослеживается стилистическая заданность в их использовании. При семантическом тождестве параллельных слов в основном преобладает использование слов с полногласием, что зависит от общей стилистической направленности документов (показания восставших и

свидетелей из социальных низов, записанные на местах проходивших событий). Неполюбопытные слова выступают в словосочетаниях книжного характера, а также в целях создания значимости, торжественности описываемых событий.

Группа слов с такими фонетическими приметам книжности, как *жд* и *щ*, в анализируемых документах немногочисленна. В расспросных речах отмечено только слово *нужда*, соответствующее ему русское *нужа* отсутствует. Оба слова — *нужда* и *нужа* были известны в древнейших памятниках письменности. Уже тогда они имели различия в своих значениях и сфере употребления. С течением времени церковнославянское *нужда* стало распространяться в памятниках всех жанров и стало постоянным складывающегося русского национального литературного языка, вытеснив слово *нужа*. Слово *одежда* отмечено только в показаниях астраханских соборных попов. Во всех случаях речь идет об облачении служителя церкви, что подчеркивается и соответствующими определениями — *священническую одежду*, *священническую одежду*, поэтому здесь было бы неуместно разговорное *одежа*, которое тоже употреблялось в языке XVII в.

Только одно слово встретилось в расспросных речах в обоих соотносительных вариантах — *рождество* и *рожество* ('церковный христианский праздник'). Уже по своей семантике слово относится к церковно-книжной лексике. Материалы расспросных речей свидетельствуют об отсутствии стилистической дифференциации в употреблении этих соотносительных вариантов. Отмечен также только один случай употребления параллельных форм с *щ* и *ч*: *помощь* — *помочь*. Слово *помощь* встретилось три раза. Все остальные многочисленные примеры приходится на долю разговорной формы *помочь*. Оба слова в расспросных речах семантически и стилистически тождественны, что следует из их недифференцированного употребления в одном и том же документе, в одинаковых лексико-грамматических структурах. Но книжное *помощь* уже входило в общее употребление, о чем говорят случаи фиксации его в прямой речи (II—I, 133, 160).

В расспросных речах выделяется группа отвлеченных существительных на *-ость*, *-ство*, *-(е)ние*. Названия суффиксы отвлеченности рассматриваются как показатели книжного характера слов. Однако выделить книжную лексику по этому словообразовательному признаку сложно в тех случаях, когда суффикс служит для образования книжных лексем, но данное слово с этим суффиксом книжным не является. В связи с этим выделяется три группы лексики: 1) книжная лексика, стили-

стическая маркированность которой опирается на лексическое и словообразовательное значение, 2) нейтральная лексика с книжными суффиксами *-ость, -ство, -(е)ние*, 3) лексика с суффиксами отвлеченности, принадлежащая разговорной речи.

Большая часть отвлеченных существительных, известных с начала письменности, с момента своего появления продолжает оставаться специфической принадлежностью книжного стиля (*милость, величество, преставление, убийение*). Однако в сфере возникновения и употребления слов на *-ость, -ство, -(е)ние* в изучаемый период наблюдаются определенные стилистические сдвиги. Отвлеченная лексика в XVII в. отмечается не только в книжных памятниках. Ряд слов, известных в языке древнейших памятников, к XVII в. становятся широко употребительными в деловом языке (*скудость, хитрость, ведомость, насильство, целование, разорение*). На переход некоторых из них в деловой язык оказывают влияние развивающиеся новые значения (*воровство*). Иногда анализируемые слова в одних своих значениях переходят в язык деловой письменности, а в других остаются принадлежностью книжного стиля (*хитрость, жалованье*). Некоторые отвлеченные существительные, появившиеся в языке письменности в XV—XVII вв. (*досадительство, подданство*), сохраняют традиционную книжную окраску. Но ряд новообразований XV—XVII вв. с момента своего возникновения становятся принадлежностью делового стиля (*шалость, атаманство, казачество, прокормленье, итеснение, прошение*). Отдельные слова с суффиксами отвлеченности являются, по-видимому, принадлежностью народно-разговорной речи XVII в., на что указывают их семантика (*живчость*), характер употребления — памятники, отражающие разговорную речь, сравнение с литературным, книжным синонимом (*тяжелость — тяжесть*), отсутствие в материалах Картотеки древнерусского словаря, незафиксированность словарями (*помирность*), показания русских народных говоров.

Сложные слова в расспросных речах представляют собой сравнительно узкую группу слов. Как показывают наблюдения, некоторые сложные слова старого происхождения, по своей семантике связанные с религиозным культом, преимущественно употреблявшиеся в церковно-книжной литературе, к XVII в. вышли за пределы церковнославянского языка и перешли в сферы деловой письменности как названия обычных понятий и церковно-религиозных представлений (*православный, благовещенский*), другие приспособились к употреб-

ленно в качестве постоянных эпитетов для характеристики членов царской фамилии (*благородный царевич, благоверный государь царевич*). В отдельных случаях сложные слова используются в расспросных речах и как средство выразительности — на первый план выступает их функция усиления и оценки (*богомерзкий круг* (о казаках — Е. А.), *богомерзкое сатонинское дело*). А такие старинные русские слова, как *богоотступник, крестопреступник*, употребляются в XVII—XVIII вв. главным образом по отношению к Г. Отрепьеву, Лжедмитрию II, Разину, Болотникову. Отмечены и отдельные слова позднего происхождения, которые встречаются почти исключительно в деловой письменности и у которых совершенно отсутствует характер высокого, книжного стиля (*многочисленство*).

Анализ книжной лексики показал, что по сравнению с лексикой народно-разговорной речи и нейтральной, нашедшей отражение в расспросных речах, слова книжного характера занимают значительно меньшее место. Среди них выделяются слова, которые в силу своей традиционности с начала письменности продолжают оставаться принадлежностью книжного стиля. В расспросных речах они выступают как названия понятий, связанных с религиозным культом; в ряде случаев книжные слова выступают только в церковно-книжных штампах, проникших в деловой язык. Но некоторые книжные по происхождению слова потеряли книжную окраску. К XVII в. они прочно вошли в состав русского языка, вытеснив старые русские соответствия, были усвоены разговорной речью. Расспросные речи отражают и случаи использования книжной лексики в живой речи, имеются отдельные примеры отражения живого произношения. Отмечены в расспросных речах и новообразования XV—XVII вв. — слова, возникшие по традиционным книжным моделям, но с момента своего возникновения ставшие достоянием делового языка, а иногда и разговорной речи.

Таким образом, в расспросных речах второй половины XVII в. проявились характерные особенности процесса становления русского литературного языка на национальной основе, выразившиеся, в частности, в своеобразном сочетании элементов книжного и разговорного характера. Взаимодействие книжных и разговорных элементов выражается не только в более широком, чем раньше, употреблении народно-разговорной лексики и некотором ограничении церковно-книжной, но и в появлении новых семантико-стилистических отношений между ними, которые сменили существовавшую ранее привя-

зависимость слов к определенному жанру письменности, ограниченность определенными сферами употребления.

Можно говорить о стилистических сдвигах в лексике изучаемого периода. Перемещение слов из одного стилистического класса в другой, сопровождаемое появлением новых значений, изменением старых, приводит к вытеснению книжных слов разговорными, разговорных — книжными. Появляется, наконец, большое количество лексических новообразований, неизвестных языку ранее указанного периода. Создание новых соотношений и связей между разговорными и книжными элементами, подчиняемых складывающейся общенациональной норме, ведет к рождению нового качества литературного языка — языка русской нации.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНО:

1. Существительные с суффиксами *-ость*, *-ство* в языке расспросных речей второй половины XVII в. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 460, Филологический сборник, Л., 1970.

2. Общественная и хозяйственно-бытовая лексика в показаниях свидетелей о восстании Степана Разина (по расспросным речам, опубликованным в Сборнике «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», тт. I—III, М., 1954—1962). — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 407, Грамматика и лексика русского языка, Л., 1971.

3. Расспросные речи второй половины XVII века как источник разговорной речи — XX Герценовские чтения (Межвузовская конференция). Филологические науки. Программа и краткое содержание докладов, Л., 1967.

4. Разговорная лексика расспросных речей второй половины XVII века (по документам сборника «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», тт. I—III, М., 1954—1962). — XXI Герценовские чтения (Межвузовская конференция). Филологические науки. Программа и краткое содержание докладов, Л., 1968.

5. Книжная лексика расспросных речей второй половины XVII века (по документам сборника «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», тт. I—III, М., 1954—1962). — Юбилейная научно-методическая конференция Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка. Программа и краткое содержание докладов, Л., 1969.